

УДК 340.149:821(470)“1925”

Ю. В. Кругляк

БУЛГАКОВСКОЕ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЫЗОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Произведения художественной литературы — это своего рода отражение действительности, которое преподносит нам автор, пропуская её через своё собственное мироощущение, миропонимание и жизненный опыт. Поэтому их нельзя рассматривать отдельно как от социальных, политических, правовых явлений, существующих в обществе, так и от жизненного пути самого писателя. Цель анализа художественного произведения с правовой точки зрения — проследить историю развития тех или иных явлений правовой и государственной жизни, освещённых автором. В юридической литературе мало уделяется внимания исследованиям такого рода. Среди авторов публикаций, посвящённых этой теме, можно назвать С. Х. Аубекерова, В. А. Бачинина, И. В. Днепровскую, И. И. Евлампиева, Й. Колера, А. В. Наумова, М. А. Павлову, В. И. Хайруллина.

Повесть Михаила Афанасьевича Булгакова «Собачье сердце» — это сатирическое произведение с элементами фантастики. Фантастика всегда была политизированным жанром, она давала выход общественным умонастроениям, и в этом смысле её нельзя ни понимать, ни анализировать вне прямых связей с господствующей идеологией, с борьбой социальных страстей. И, конечно же, фантастика — это не набор пустопорожних технических гипотез, фантастика — это модель человеческого существования, кривозеркальная, непропорциональная, иногда трудная для расшифровки. Фантастическое же в ней служит катализатором, раздражителем, который способен вытащить наружу самое потаённое и тщательно скрываемое [1, 89]. Поэтому если мы поставим себе задачу найти в рассматриваемой повести какие-то прямые указания автора на правовые явления или анализ таких явлений, мы их не найдём. Но глубоко проникнув в суть повести, в то, что скрыто под фантастическим сюжетом, представляется возможным их обнаружить.

И то, что повесть «Собачье сердце» была написана в 1925 году, но никогда в нашей стране не обнародовалась до 1987 года, говорит о её антисоветской направленности, о том, что её содержание вскрывает подлинную обстановку в обществе того времени.

С точки зрения юриспруденции «Собачье сердце» можно анализировать в двух основных срезях.

Первый. Действие повести происходит в основном в квартире профессора Ф. Ф. Преображенского. Именно эта квартира со всеми её посетителями и происходящими событиями и есть модель общества того периода. Через описание жизни в этой квартире автор поднимает вопросы правового государства, гражданского общества и человека, члена этого общества, свободного, достойного, равного в правах с другими. И когда профессор произносит знаменитую фразу «Пропал Калабуховский дом», он имеет в виду российское общество после 1917

года, классовый анализ которого преподносит нам М. Булгаков [2, 143]. Профессор Ф. Ф. Преображенский и доктор Борменталь, а также пациенты профессора — это представители интеллигенции, Шариков — так называемый «трудовой элемент», к которому сам себя причисляет лишь оттого, что «не нэпман» (здесь становится очевидной фальшь подобного грубого деления общества лишь на «нэпманов», «буржуев» и пролетариат, которой зачёркивается многосоставность сложного социального организма). Хотя Шариков, возвращённый к жизни Клим Чугункин, рецидивист, алкоголик, вовсе не имеет никакого отношения к рабочему. Швондер и компания — представители пролетариата, члены домкома, с головой ушедшие в круглосуточное произнесение революционных речей, заместив ими практическую и будничную работу. Эти «певцы» являются с требованиями «трудовой дисциплины» к профессору, который в отличие от них ни на один день не оставляет своей работы [2, 689].

Профессора Преображенского автор нам показывает как представителя интеллигенции, человека образованного, «умственного труда господина, с культурной остроконечной бородкой и усами, как у французских рыцарей». Шарик, впервые встретив этого человека, называет его сначала «гражданином», именно «гражданином», а не «товарищем», а затем и вовсе «господином». И делает такие выводы пёс не по одежде, а по глазам, называя их «значительной вещью», «барометром» [2, 122]. В высказываниях профессора мы находим критику той социальной обстановки, которая имела место в России. «В марте семнадцатого года в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, три палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила своё существование. Я не говорю уже о паровом отоплении. Не говорю. Пусть: раз социальная революция — не нужно топить. Так я говорю: почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему калоши до сих пор нужно запирают под замок и ещё приставляют к ним солдата, чтобы кто-либо их не стащил? Почему убрали ковёр с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? ...Почему пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?» [2, 143]. В этих словах мы находим рассуждение об уровне правовой культуры людей, руками которых делалась революция. И знаменитая фраза Преображенского: «Разруха сидит не в клозетах, а в головах!» говорит нам об уровне культуры, в том числе и правовой, каждого члена общества [2, 145].

Наш герой рассуждает и о таком сегодня актуальном вопросе, как вопрос профессионализма, в том числе и профессионального правосознания юристов, субъектов, которые создают право, а также субъектов, которые управляют государством. «Двум богам нельзя служить! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев» [2, 145]. И в этих словах мы слышим критику ленинской формулы о каждой кухарке, которая должна учиться управлять государством.

Шариков же, «стоящий на самой низкой ступени развития», не способный и в минимальной мере оценить всю сложность обсуждаемого предмета, вступает

в полемику с людьми, потратившими на размышления о проблеме годы и годы, и формулирует в конце концов вульгарную идею дележа на всех поровну («Взять всё да и поделить!»), то есть излагает ту самую ложно понятую идею социальной справедливости [2, 183].

Автор умело высмеивает идею равенства, провозглашённую большевиками, показывая, что лабораторному существу, явившемуся на свет в результате эксперимента, вчерашней дворняге, чтобы быть «равным» европейски знаменитому учёному, достаточно лишь получить удостоверение личности, ведь «документ — это самая важная вещь на свете», и прописку (шариковское «право на 16 аршин», московская норма времён «уплотнения» начала 1920-х годов).

Ту же «уровниловку» мы узнаём в рассуждениях Шарикова: «Вот всё у нас как на параде, — обвиняет он своих хозяев, — «извините» да «мерси», а так, чтобы по-настоящему, — это нет...» То есть нормы общения, естественные для профессора и его коллеги, мучительные и обременительные Шарикову, он полагает «ненастоящими», мучительными всем.

«Жить по-настоящему» для Шарикова — значит грызть семечки и плевать на пол, нецензурно браниться, приставать к женщинам и напиваться допьяна за обедом. Он заявляет своим воспитателям, что они «мучают себя, как при царском режиме» [2, 182].

И в этом он обретает общий язык с домкомовцами, которые тоже вполне искренне убеждены, что человеку не к чему «жить в семи комнатах», иметь «40 пар штанов», обедать в столовой и т. д. То, что не является необходимым своему собственному образу жизни, — представляется не нужным и никому другому. Отсюда спор о «нормальных потребностях», который вытекает из ложного представления о схожести человеческих натур и о возможности определить научным путём рациональные «нормы потребления».

М. Булгаков затрагивает вопрос правового государства, государства, которое основано на праве, ограничивается с помощью права и осуществляется в правовых формах. Автор противопоставляет такое государство советскому государству. Существование правового государства связано не только с наличием законов, неотвратимости последствий за неправомерные действия, но и рациональным использованием профилактики и репрессий по отношению к правонарушителям. Эффективность правового государства во многом определяется способностью с помощью правовой системы осуществлять наиболее рациональные действия и использовать при этом интересы людей [3, 139]. Преображенский объясняет, как ему удалось подманить к себе пса, и говорит: «Лаской-с. Единственным способом, который возможен с живым существом. Террором ничего поделывать нельзя с животным, на какой бы ступени развития оно ни стояло. Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный или даже коричневый!» [2, 129].

Проблема бюрократизма очевидно вырастает перед нами из сцены, когда Швондер и компания требуют у профессора отказаться от комнат. Преображенский звонит некоему Виталию Александровичу и просит его: «Но только

одно условие: кем угодно, что угодно, когда угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо иной не мог бы подойти даже к дверям моей квартиры. Окончательная бумажка. Фактическая. Настоящая. Броня» [2, 138]. То есть имеет значение не реальное положение вещей, а «бумажка», пусть даже незаконная, но наличие которой снимает все вопросы.

Устами Филиппа Филипповича автор высказывает и своё отношение к преступлению. Профессор говорит доктору Борменталю: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено» [2, 195].

Охарактеризованное писателем в повести общество — это первый срез, в котором можно рассматривать произведение «Собачье сердце». Вторым является в том, что в основу сюжета положен научный эксперимент профессора Преображенского по пересадке мужских яичек с придатками и гипофиза человека собаке. Необходимо заметить, что есть документальные свидетельства проведения таких экспериментов в начале 1920-х годов в Советском Союзе. И профессор Преображенский в повести «заботился об евгенике, об улучшении человеческой природы». Но научные открытия, вырвавшиеся из-под контроля, могут быть очень опасными.

Научно-этические, нравственные проблемы Преображенского не занимали. Его не интересовало, например, как может чувствовать себя существо, которое возникнет в результате его операции. Да, научные результаты эксперимента чрезвычайно ценны, однако они не могут быть получены любой ценой.

Сегодня существуют международные акты, посвящённые вышеуказанной проблематике. Это — Хельсинкская декларация Рекомендации для врачей, проводящих биомедицинские исследования на человеке [4], Декларация относительно трансплантации человеческих органов [5] и другие. Статья 45 Основ законодательства Украины о здравоохранении регламентирует порядок проведения биомедицинских экспериментов над человеком [6, 19]. Наличие этих национальных и международных актов даёт нам возможность говорить о биологических правах человека. Но это сегодня. А в 1925 году это было менее очевидным и нужна была недюжинная прозорливость, чтобы с такой силой почувствовать надвигающуюся опасность и призвать к максимальной осторожности при общении с неизведанными силами природы.

Повесть «Собачье сердце» — это не просто увлекательная история о псе, который фантастическим образом превратился в человека, это огромный пласт нравственных, научных, правовых проблем, над которыми в такой удивительной, иносказательной форме заставляет нас задуматься Михаил Афанасьевич Булгаков. На примере этого произведения художественной литературы можно увидеть, каким образом развивалась государственная и правовая жизнь общества в условиях советской России. Поэтому для юриста «Собачье сердце» является интересным объектом для научного анализа.

Література

1. Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны / Всеволод Ревич. — М. : Ип-т востоковедения РАН, 1998. — 354 с.
2. Булгаков М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков. — 1989. — 751 с. — (Собрание сочинений в пяти томах ; т. 2).
3. Оборотов Ю. П. Теория государства и права (прагматический курс): Экзаменационный справочник / Ю. П. Оборотов. — О. : Юрид. д-ра, 2006. — 184 с.
4. Хельсинкская декларация Рекомендации для врачей, проводящих биомедицинские исследования на человеке // Права человека и профессиональная ответственность врача в документах международных организаций. — К. : Сфера, 1999.
5. Декларация относительно трансплантации человеческих органов // Права человека и профессиональная ответственность врача в документах международных организаций. — К. : Сфера, 1999.
6. Основы законодательства Украины о здравоохранении // Ведомости Верховной Рады Украины. — 1993. — № 4.

Анотація

Кругляк Ю. В. Булгаковське «Собаче серце» як літературний виклик державному і правовому життю радянського суспільства. — Стаття.

У цій роботі паведений апаліз твору художньої літератури з юридичної точки зору. Метою дослідження є виявлення розвитку явищ державного і правового життя в радянській Росії.

Ключові слова: державне життя, правове життя, фантастика, правова держава, правова культура, бюрократизм, професіоналізм, науковий експеримент.

Summary

Krugliak I. Bulgakov's «The Dog's Heart» as a Literary Challenge to State and Legal Life of the Soviet Society. — Article.

In this work we analyze the writing from a legal point of view. The research's aim is the manifestation of development of state and legal facts in the soviet Russia.

Keywords: state life, legal life, fantasy, legal state, legal culture, bureaucratize, professionalism, scientific experiment.

УДК 347.72.04

Ю. В. Муравська

ПРАВОВА ПРИРОДА РЕОРГАНІЗАЦІЙНИХ ДОГОВОРІВ

З переходом України до ринкових відносин поширились процеси реорганізації господарських товариств у формі злиття та приєднання. Вченими-цивілістами питання реорганізації розглядаються, як правило, в сукупності з іншими положеннями про юридичних осіб або в рамках дослідження окремих її форм чи ознак (роботи А. В. Венедиктова, Д. В. Жданова, О. С. Йоффе, М. І. Кулагіна, С. В. Мартишкіна, Д. І. Мейєра, О. Р. Кібенко, А. В. Коровайко, М. В. Телюкіної, Б. Б. Черепакіна та інших). Незважаючи на ряд прийнятих нормативно-правових актів та теоретичні розробки вчених-цивілістів, залишаються проблемні питання теоретичного та практичного характеру, що призводять до ускладнення процесів укрупнення українського бізнесу. Одним з таких питань є

© Ю. В. Муравська, 2009